

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
КИРАСИРА СТРЕШНЕВА**

**ОЛЕГ
КРЮКОВ**

Олег Крюков

Приключения кирасира Стрешнева

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21240250
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

В основе романа приключения «слуги государева» штаб-ротмистра Степана Петровича Стрешнева, представителя древнейшего русского рода, оборвавшегося в 1802 году. Степан Петрович – последний «тупиковый» представитель фамилии. Служение Отчизне бросает главного героя из бюргерской Саксонии на дикий Кавказ, где столкновения русских с горцами становятся всё ожесточеннее... Криптологической составляющей романа являются рубины, найденные в 1799 году в Египте. По древнему поверью, тот, кто будет владеть тремя пирамидной формы рубинами, получит власть над миром. Этой мистической идеей увлёкся на закате своего величия Бонапарт, этим заинтересовалась разведслужба Святейшего Синода РПЦ. Степан Петрович, воспитанный в православных традициях, когда в мире всё подчинено Божественному Промыслу, не верит в могущество рубинов, но волей случая становится участником этой захватывающей и опасной игры.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА 1. САКСОНСКИЙ ЗАБИЯКА	4
ГЛАВА 2. МОНАСТЫРЬ	20
ГЛАВА 3. УСАДЬБА	39
ГЛАВА 4. ПОГОНЯ	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Олег Крюков Приключения кирасира Стрешнева

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ТАЛИСМАН ДЛЯ ИМПЕРАТОРА

ГЛАВА 1. САКСОНСКИЙ ЗАБИЯКА

Дрезден. Осень 1814 года.

Короткий ноябрьский день подошёл к концу. Ночь накрыла хмурое саксонское небо своим чёрным покрывалом. Добропорядочные бюргеры уже съели вечернюю порцию картофельных клёцок, выпили кружку глинтвейна (а что ещё пить в такую промозглую погоду), и улеглись на свои пуховые перины.

На городских улицах не души. Что уж говорить о местности за городской заставой? Проедет раз за ночь конный патруль русских, эти страшного вида козаки, и вновь лишь осенний ветер гоняет пожухлые листья по булыжной мостовой.

Но спали в эту ноябрьскую ночь не все. Недалеко от Лейп-

цигской заставы, почти у самой дороги стоит заброшенная часовня. Путник, оказавшись таковой здесь в столь поздний час, бросив внимательный взгляд на полуразвалившееся строение, увидел бы в одном из оконных проёмов еле приметный свет. А если ещё и обладал смелостью, да подкрался к этому проёму, то услышал бы весьма опасный разговор. А если ещё и заглянул внутрь...

Но где найти путника в эту ненастную ночь? Да и жалко человека. Заметь его люди в часовне, живым не отпустят. Ибо, страшное дело затевается в старых стенах.

– Я размещу своих людей на крышах двух противоположных домов. Вот здесь. – Рука в чёрной перчатке обвела небольшой круг на карте. – Как раз в этом месте кортеж наместника свернёт на мост Августа. Русские попадут под перекрёстный огонь, так что шанса выйти живым из нашей ловушки, у князя нет.

– Князь предпочитает передвигаться верхом?

– Как любой военный.

– Но тут оказия особенная. Он представляет русского императора. Что если церемонии заставят его сесть в карету?

– Разве карета спасёт наместника от пуль?

– Боюсь, вам не удалось убедить меня. Мне нужен полный успех задуманного, и результат должен быть известен сразу же по окончанию. А в вашем плане это возможно при двух условиях: если Репнин поедет верхом, и если кроме полуэскадрона кирасир он не возьмёт в конвой этих ужасных гун-

нов, которых они называют... чёрт, забыл!

– Башкиры, маркиз!

– Никаких титулов! И тем более имён. У этих стен могут быть уши.

Человек, которого называли маркизом, обвёл взглядом заброшенную часовню. Со стороны южной стены, там, где сквозь бойницы верхних окон виднелось беззвёздное ночное небо, раздался шорох. В мгновение в его правой руке появился кавалеристский пистолет. В свете факела на чёрной коже блеснули рубин и золото большого перстня.

– Это всего лишь летучие мыши!

– Нервы!

Пистолет исчез в недрах чёрного плаща.

– Так вот, если с Репниным будут эти чёртовы башкиры, за ваш план я не дам и ломаного гроша.

– И правильно сделаете!

Из тьмы в круг света ступила фигура. Тот же чёрный плащ, шляпа, закрывающая верхнюю половину лица.

Теперь пистолеты в мгновение оказались в руках всех троих. Раздались щелчки взводимых курков.

– Успокойтесь, господа! – незванный гость поднял ладони.

– Кто вы?

– Вы же сами сказали, никаких имён.

Незнакомец приподнял поля своей шляпы.

– Вы...

– Тсс, – приложил он палец к губам. – Итак, план хорош,

но исключительно для военной кампании. Князя легче убить в резиденции, во время выступления.

– Здание будет усиленно охраняться. Прикажете брать его штурмом?

– Зачем? Внутри буду я.

– Вы готовы поставить на кон собственную жизнь? Вас схватят! И хорошо, если позволят сделать один выстрел!

Тонкие губы чуть скривились в лёгкой усмешке.

– А мне больше и не надо. Вы, наверное, слышали о моей репутации?

– Шесть дуэлей и все со смертельным исходом. Первый выстрел и прямо в сердце. Вы, несомненно, лучший стрелок в Европе.

– Благодарю! – изобразил тот лёгкий поклон.

– Так вы хотите вызвать князя на дуэль? И убить его прямо в резиденции курфюрстов? Но для этого нужна более чем веская причина.

– Уверяю вас, господа, она у меня есть.

– Ах, Имберг, ну голова! Даром, что молод! Учись, штабс-ротмистр!

– Поздно мне, Ваше Высокопревосходительство неготианству учиться. Да и пристало ли это боевому офицеру?

– И то верно.

Николай Григорьевич оглядел ладную фигуру начальника своего конвоя.

– Тут, штаб-ротмистр, оружие не менее страшное, чем пушки и ружья. Подрыв финансовой системы Империи – это не на ратном поле друг в друга палить. К тому же не каждый оружие это распознает. Вот ты, допустим, отличишь сто рублей подложной ассигнации от подлинной?

Князь Репнин-Волконский положил перед офицером две ассигнации достоинством в сто рублей. Тот повертел каждую в руках, пощупал, даже понюхал.

– По виду одинаковые.

– Вот и я также мыслю, – вздохнул князь. – А Алексей Осипович сразу распознал вот в этой французскую подделку, – он взял двумя пальцами одну бумажку. – А может вот в этой. Тьфу ты, чёрт! Ладно, давай в резиденцию собираться! Перед саксонцами речь держать будем.

– Николай Григорьевич, – замялся штаб-ротмистр, – у меня опять затылок чешется. Как тогда, перед Кульмом. К опасности!

– Оставь, Стрешнев! – отмахнулся Волконский. – Шрам, поди, зудит, который тебе граф Браницкий в прошлом году на память оставил. Через час выезжаем!

Князь на минуту задумался, глядя в окно.

– Опасность, Степан Петрович, всегда рядом ходит. Банкир Фреге злобу затаил, ещё бы, такой убыток потерпел, когда мы его подложные рубли накрыли!

Николай Григорьевич умолчал о том, как выгнали из саксонской столицы короля Фридриха-Августа, будто последне-

го бродяжку. Тяготиться князь сомнительной славы монаршего ниспровергателя!

– Башкирцев брат? – спросил начальник конвоя.

– Мы не в поле, штаб-ротмистр. Да и немчура пугается, уж больно дикий на их европейский взгляд народец наши гунны.

Стрешнев щёлкнул шпорами и вышел из кабинета генерал-губернатора.

– А затылок-то так и зудит, – бормотал он, пересекая плац и почёсывая свою густую русую шевелюру. – Ещё ни разу не подводил.

Впервые зуд кирасирского затылка начался в кампанию девятого года, когда шли в Имеретию наказывать за измену тамошнего царя Соломона¹. Штаб-ротмистр ходил тогда в корнетах. Отряд подходил к узкой теснине, и у Стрешнева начался страшно чесаться затылок. Тогда никакого шрама и в помине не было. Передовой дозор доложил, что опасности нет никакой, ущелье чисто. Лезгины умело спрятались наверху, и когда отряд втянулся между скал, открыли плотный ружейный огонь. Командир получил смертельную рану, под Стрешневым убило лошадь. Молодцы-кавалеристы не растерялись, попрятались за камнями и стали отвечать из карабинов. А когда развернули горные орудия, да сделали несколько удачных залпов, горцы исчезли, рассеялись меж скал, как

¹ Имеется в виду кампания 1809 г. Боевые действия велись в Закавказье против Персии.

утренний туман.

Потом зуд случился во время Кульмской баталии, когда шляхтич Браницкий оставил ему на память шрам на затылке. Позже у Смоленска, ровно за час до того, как его эскадрон попал под картечь неприятеля. Тогда Степан Петрович задумался, а поскольку в длительном неведении пребывать не любил, решил, что Господь каждый раз посылает ему предупреждение.

– Седлать коней! – отдал он приказ своим орлам, ждущим у конюшен. – Аллюр два креста, да смотреть в оба!

Эскадрон был особый. Сплошь состоял из ветеранов, унтеры, эстандарт-юнкера, корнеты. Брали не количеством, в эскадроне всего шестьдесят восемь бойцов, а качеством. Все получили звания не за выслугу, а за храбрость, проявленную в кавалерийских атаках при Кульме, Лейпциге и Дрездене.

Когда ехали рысью по улицам города, бюргеры высыпали на улицы поглазеть на русское воинство. Да и было на что смотреть; и кони и всадники поражали своей могучестью. Искры из-под копыт, грозные зоркие взгляды. Князь Репнин-Волконский, генерал-губернатор Саксонии ехал рядом с командиром, штаб-ротмистром Степаном Стрешневым.

Въехали на Аугуст-брюкке. На другом берегу Эльбы раскинулся Цвингер – резиденция саксонских курфюрстов. В тени узкой улочки, выходящей к реке, стояла чёрная карета. Из-за плотных оконных занавесок втягивающуюся на мост кавалькаду наместника обзрели трое.

– Гуннов нет! Сейчас самое время ударить. Зря вы отвергли мой план, маркиз. Вдруг у него ничего не получится?

– Сейчас уже ничего нельзя изменить, барон. Советую вам положиться на Провидение.

У французского павильона, где генерал-губернатор должен держать перед саксонцами прощальную речь уже стояло множество карет с гербами знатнейших домов Саксонии.

Расположив свой эскадрон у входа, Стрешнев вместе с князем вошёл внутрь. В глазах кирасира зарябило от блеска шитых золотом мундиров и камзолов. Разодетые дамы и кавалеры при виде русского наместника забили в ладоши. Под аплодисменты Николай Григорьевич прошёл в середину залы.

Зуд в затылке стал уже невмоготу, а чесать голову в присутствии столь множества знатных и утончённых особ был *mauvais tone*². Стрешнев вертел головой, разглядывая присутствующих, пытаясь определить, откуда исходит опасность.

И определил. Средних лет человек в партикулярном³ платье, но с выправкой военного, пробирался сквозь толпу к князю. Его взгляд горел и был устремлён на наместника. Штаб-ротмистр признал в нём графа S – знаменитого бретёра. Последние шесть дуэлей закончились для его противников гибелью. Среди них был и знакомый Стрешневу семё-

² Дурной тон (франц.)

³ То есть частное, не форменное.

новский офицер Самохвалов. Отменный стрелок и ярый бонапартист саксонец с двадцати шагов засаживал пулю прямо в сердце. И сейчас он, подобно боевому фрегату неумолимо приближался к Репнину, и взгляд его не сулил ничего хорошего.

Степан Петрович звякая шпорами, быстрым шагом ринулся на перехват. По дороге вспомнил скандальную историю, случившуюся полгода тому. Что-то связанное с баронессой фон Гейдельсгейм. История эта столь дурно пахла, что от воспоминаний челюсть Стрешнева свело как от зубной боли. Тем более что в скандал этот пытались вмешать генерал-губернатора. Тогда удалось отстоять честь князя. Баронесса возопила, что некому встать на защиту репутации несчастной одинокой женщины. А граф S, бывший в ту пору подле Бонапарта, где был и его сюзерен Фридрих Август Праведный приходится несчастной и одинокой, в чьём буддаре молодые люди меняются подобно носовым платкам, не то двоюродным, не то троюродным братом.

Стрешнев не выдержал и яростно зачесал затылок, воспользовавшись минутой, когда все взгляды устремились на наместника. И в трёх шагах от своей цели чуть не сбил с ног пожилую даму, благоухающую чёрной смородиной.

– Mille pardon, Madame!

В последний момент штаб-ротмистру удалось избежать столкновения с явной бонапартисткой ⁴, проводившей его

⁴ Чёрная смородина – любимый аромат Наполеона.

взглядом полным презрения.

Через мгновение плечо саксонца врезалось в широкую грудь кирасира. Стрешнев отлетел назад, чуть не сбив с ног старого графа Кински.

А граф S даже не остановил движения. Степан Петрович без церемоний ухватил грубияна за рукав.

– Вы не считаете, сударь, что должны извиниться?

Граф S повернул к нему лицо. Взгляд был не здешний, словно его обладатель пребывал где-то далеко. И, о чудо! Знаменитый забияка пробормотал под нос извинение.

– Вы не могли бы громче, граф? В последнем деле меня контузило, и я слегка оглох на оба уха.

– Пустите! – зашипел тот, пытаясь вырвать свой рукав из цепких пальцев.

– Саксонцы! Вас ожидает счастливое будущее...

Князь Репнин-Волконский, стоя посередине залы уже начал свою речь.

– Выйдем-ка мы с вами на свежий воздух, – Стрешнев потащил упирающего саксонца к выходу. – Мне не нравится бледный цвет вашего лица.

Затылок у него перестал чесаться. А это означало, что опасность стала явной.

Когда они вышли на улицу саксонец сумел взять себя в руки.

– Штаб-ротмистр! Позвольте мне закончить здесь своё дело, и я к вашим услугам.

– И какое же у вас здесь дело, граф?

– Почему же вас это так интересует? – вскинул тот острый подбородок.

– Видимо дело такой срочности и важности, что вы, походя, оскорбили русского дворянина и офицера, даже не заметив этого.

– Я же попросил вашего прощения!

– А я вам его не даю! И как оскорблённая сторона вправе выбирать оружие, место и время.

– Ну что ж, Бог видел, как я был терпелив. Итак, что вы решили?

– Пистолеты, – начал загибать пальцы Стрешнев, – поляна у заброшенной часовни, что за северной заставой, немедленно.

– Но у меня нет секунданта!

– Они нам не нужны.

– На чём мне прикажете добираться до места? Видите ли, сюда я прибыл в карете княгини W...

– Это не беда, граф, я дам вам лошадь. Если меня убьёте, можете забрать её себе.

– Ох, уж эта русская расточительность! – ухмыльнулся саксонец.

– Баранов, слась с коня! – скомандовал штаб-ротмистр. – Мы с Его Сиятельством немного прокатимся. Кессельринг, остаёшься за командира!

Граф S вскочив в седло, тут же дал коню шпоры, пустив того в галоп. Кирасир, стараясь не отставать, тоже припустил

своего гнедого.

– Не терпится умереть, граф? Или пытаетесь сбежать?

– О, если бы я мог убить вас дважды, – поднимал глаза к небу саксонец, – я бы сделал это с радостью!

– Кто бы сомневался? – улыбался в густые усы Стрешнев.

После получаса безумной скачки по городским улицам, лишь чудом никого не покалечив, дуэлянты вылетели за городскую черту.

Часовню, стоявшую заброшенной со времён Августа Сильного ⁵, окружали вековые дубы. У самого большого и раскидистого они и спешились.

– Прошу меня простить, граф, «кухенрейтеров» и «лепажей» ⁶ не держим по причине военного времени. Поэтому обойдёмся кавалерийскими.

Штаб-ротмистр достал из сёдельной сумки два запасных пистолета. Один работы тульских мастеров, другой трофейный, французский.

– Выбирайте! Хотя уверен, вы предпочтёте французский.

– Нет, благодарю вас! Я предпочитаю свой.

Граф S достал из кармана своего камзола изящный пистолет.

– Ого, да вы настоящий патриот!

Стрешнев узнал работу местного мастера Милотты.

⁵ Фридрих-Август Сильный – курфюрст Саксонии (1694–1733) и польский король.

⁶ Дуэльные пистолеты.

– Со сколько шагов будем стреляться? – спросил саксонец.

– Конечно же, с восьми!

– Выстрел по жребию?

– Непременно!

Степан Петрович достал монету.

– Если упадёт вверх Фридрихом-Августом, ваш выстрел первый, граф!

Он подбросил талер.

– Извольте взглянуть.

На лице графа S не дрогнул ни один мускул.

– О, да вы нынче у Фортуны в миньонах!

Стрешнев безмятежно улыбался, показав монету, с которой на них смотрел профиль саксонского короля.

– Начнём, помолясь!

Они отсчитали восемь шагов.

– На вас кираса, штаб-ротмистр.

– Ах, да, простите!

Стрешнев снял кирасу, расстегнул пару верхних крючков своего колета, хотя на дворе стояла промозглая ноябрьская погода. Взглянул графу в лицо, на котором играла довольная улыбка.

– На счёт три?

– Пожалуй!

Саксонец стал тщательно целиться.

– Ещё пару слов, граф. Скажите, вы ведь хотели вызвать

князя на дуэль?

– Поскольку вы через минуту умрёте, скажу, – ответил тот, не открывая левого глаза. – Князь заслужил смерти, потому что поступил бесчестно с одной особой, кстати, моей родственницей.

– Поскольку я всё равно скоро умру, скажите честно, граф, вам ведь глубоко наплевать на честь вашей неразборчивой в амурных связях родственницы. Так сколько вам обещал барон Фреге за убийство князя?

Граф S уже жал на спусковую скобу, но от последнего вопроса Стрешнева, попавшего в туза, рука его дрогнула. Выстрел грохнул, и пуля пролетела мимо головы офицера, задев левый кончик шикарного уса.

– Чёрт!

– Вы промахнулись!

Штаб-ротмистр поднял свой пистолет. Саксонец был бледен, но держался молодцом.

– Скажите граф, сколько и кто вам заплатил, и я оставлю вас в живых. Деньги-то, судя по всему, немалые. Вы ведь хотите ими воспользоваться?

– Стреляйте, чёрт вас побери!

– Значит, не скажете? Поскольку вы скоро умрёте, открою вам страшную тайну. Деньги, которые вы получили, скорей всего фальшивые.

– Если вы решили расстроить меня перед смертью, вам это удалось.

Стрешнев посмотрел в стального цвета глаза саксонца и опустил пистолет.

– Я решил стрелять с двадцати.

Он повернулся к противнику спиной и принялся отмерять шаги. На двенадцатом быстро обернулся, вскинув пистолет. Граф S уже достал из кармана второй и взводил курок.

Два выстрела грянули одновременно. Стрешнев почувствовал сильный удар в левое плечо, на белом колете расплывалось рубиновое пятно. Зажав рукой рану, подошёл к лежавшему на холодной земле телу. Прямо посередине лба бретёра виднелась идеально круглая дырка. В каждой руке было зажато по пистолету. Стволы из толедской стали, отделанные перламутром рукояти.

– Et pourquoi non? ⁷ – пробормотал Стрешнев, вынув из безжизненных пальцев оружие и пряча изящный пистолет за голенище сапога.

– Поверь, я сделал всё, что мог!

Николай Григорьевич в волнении мерил шагами кабинет.

– Но чёртовы саксонцы уже отправили донесение о вашей дуэли в Петербург. Остаётся ждать Высочайшего решения.

Он глянул на Стрешнева.

– Не куксись, штаб-ротмистр! Я тоже кой-какие *contreactions* ⁸ предпринял. Так, что думаю, обойдётся малой кро-

⁷ Почему бы и нет? – (франц.)

⁸ Противодействия – (франц.)

вью. Но в Нижегородском послужить придётся ⁹. Да ты уже знаком с драгунами по имеретинской кампании.

Князь уселся на оттоманку, но через мгновение вскочил опять.

– Но ты, Степан Петрович родился в рубашке! Такого бретёра успокоил! Да с одного выстрела!

Он порывисто обнял Стрешнева, сморщившегося от боли в раненом плече.

– Жаль расставаться с тобой, штаб-ротмистр. Но с утра в Вену еду, а тебе ждать курьера из столицы avec l'ordre ¹⁰. Не знаю, свидимся ли ещё?

Степан Петрович вышел на крыльцо. Глянул в серое саксонское небо. Такие же глаза были у покойного графа. Улыбнулся.

– Э-эх, давно не был я на Родине!

⁹ В Нижегородский драгунский полк ссылались провинившиеся офицеры.

¹⁰ С распоряжением (франц.)

ГЛАВА 2. МОНАСТЫРЬ

Смоленская губерния. Свято-Н...ский
монастырь. Ночь на Рождество.

Звон колоколов возвещал о Рождении Сына Божьего. Архипка натянув заячий треух поплотнее, чтобы не оглохнуть, яростно раскачивал било. С высоты колокольни ему был виден заснеженный лес. Где-то там, в глубине стоял скит старца Амбросия.

Закончив свой нелёгкий труд, Архипка снял треух и вытер вспотевшее, несмотря на мороз лицо. И тут его острый глаз заметил вдалеке дым, поднимающийся над деревьями, и почти неразличимый в чёрном ночном небе.

– Никак, скит горит? – подумал он, кубарем скатываясь по узкой крутой лестнице, рискуя свернуть себе шею.

– Беда, братие!

До землянки старца было версты две, да всё по бездорожью, по снегу глубиной в два локтя. Пока запыхавшиеся монахи добрались, от крохотной избушки остались тлеющие головёшки. Среди них нашли обгоревшие останки старца. А совсем рядом увидели такое, от чего волосы на голове повставали дыбом, персты сами стали творить крестное знамение.

На вершине у наспех воткнутого в снежный наст бревна была насажена козлиная голова.

Ни у кого не вызывало сомнений, что случившееся – дело чьих-то злых рук. Игумен-то наемни уехал в епархию, посему порешили к благочинному ¹¹. Архипке-пономарю и поручили сообщить эту страшную весть.

– Тут он мне и предлагает: – А не сыграть ли нам, штаб-ротмистр, в экарте ¹², чтобы скуку, так сказать, убить? Отчего ж не убить, отвечаю. Только он не знал, бедняга, что я и в вист неплох. Скажу по чести, играть мне с ним было не интересно. Ну, сорвал сто рублей, а дальше что? Вот я и предложил, а не сыграть ли нам, милостивый государь на интерес? А у него племянница семнадцати годов, и доложу я вам, премиленькая!

Конь вдруг остановился, фыркнул и закосил на Стрешнева глазом. Мол, ты, хозяин, рассказчик интересный, но не кажется ли, что мы заблудились?

Вокруг был лес, занесённый снегом. А ведь, если староста не соврал, уже как с полчаса должна показаться деревенька.

– Неужели обманул, прохвост?

Густые ветки одной из елей дрогнули и на дорогу вышли люди. Стрешнев схватился за трофейный дрезденский пистолет, но увидел, что это не разбойники. Монашья клобуки выдавали в них людишков Божьих.

Монахи, завидев офицера-кирасира, удивлённо воззри-

¹¹ Первый заместитель настоятеля монастыря.

¹² Вид карточной игры.

лись на всадника.

– Что братья, за два года отвыкли от военных?

– Так вас в здешних чащобах и в двенадцатом году не видывали, – отвечал самый молодой. – Ни француз, ни наш брат сюды не добирались.

– Так у вас, стало быть, монастырь недалече? А ночлег одинокому заблудшему путнику дадите?

– Отчего ж не дать, – отвечал тот же.

Остальные четверо безмолвствовали, но к беседе прислушивались. Стрешнев догадался, что братья дали обет молчания.

Монахи двинулись меж деревьев, утопая в снегу почти по пояс. Степан Петрович тронул коня следом.

Монастырь появился неожиданно на холме, окружённом лесом. Освещённый полной луной, он, представляя сказочное зрелище. Деревянная церковь, рядом три одноэтажных строения. Словоохотливый отрок пояснил, что в самом большом живёт братия, то, что поменьше – трапезная, рядом мастерская, где поделки разные творят, да возят в Монастырщину на ярмарку, а раз в год в Смоленск.

– А случилось-то у вас что? – спросил Стрешнев, слушая рассказ подростка.

Не ускользнуло от внимательного взгляда штаб-ротмистра, что у парня в глазах тревога, а то и страх мелькал.

– Прощения просим, но сначала к благочинному, – отвечал тот.

«Дисциплина-то у них армейская», – заметил про себя Степан Петрович.

И оказался прав. Несмотря на то, что случилось что-то из ряда выходящее, суеты среди братии не наблюдалось.

Монахи проводили его в конюшню, которая оказалась трёхстенным пристроем к мастерской. Впрочем, внутри сена было вдоволь, и сухо. Рослый жеребец гордо шагнул туда, даже не взглянув на двух монастырских лошадей, стоявших в стойлах.

В конюшне Степана Петровича нашёл давешний парнишка.

– Благочинный повелел вас накормить и на ночлег пристроить.

– И на том спасибо. Тебя как звать-то?

– Архипкой кличут. Второй год здесь пономарствую. В послушники готовлюсь.

– Ну, а меня Степаном Петровичем зови. Так, что у вас случилось-то?

Штаб-ротмистр взглянул в ночное небо, и увидел её, Вифлеемскую звезду. Перекрестился. Во всю ширь своих богатырских плеч.

В трапезной Степана Петровича ждал ужин. Обеденная зала пустовала, и он уселся за длинный дощатый стол. Молчаливый послушник поставил перед ним деревянную миску с тёплой пшённой кашей, приправленной грибами, крынку со сметаной, по случаю окончания поста, каравай хлеба. Ар-

хипка уселся чуть поодаль.

– Значит, говоришь, скит сожгли вместе со старцем, да ещё дьявольскую метку оставили? Садись ближе!

– Нельзя мне, барин.

– Послушание что ли?

Парень кивнул.

– Строгий у вас устав.

– А как же по-другому, барин? Нечистый он, слабину сразу почует!

– И скит тоже спалил нечистый?

– А то кто же?

– А ты, парень, сводишь меня поутру на то место?

– Дык благочинный запрет наложил.

– Да ты, брат, боишься!

– И ничего я не боюсь! – сверкнул Архипка глазами. – А только как я запрет нарушу?

– Ну, давай, веди меня тогда к благочинному. Представиться-то нужно честь по чести.

Благочинный, отец Фёдор, не старый ещё мужчина принял гостя в своей келье, ничем не отличавшейся от остальных.

– Далеко путь держите? – спросил он, благословив колена преклонённого штаб-ротмистра.

– На Кавказ, батюшка, в Нижегородский драгунский.

– Провинились, значит?

– Был грех.

– Бог судья. А где денщик ваш?

– В Чернигове дожидается.

– А вы, стало быть, в одиночку. На ночлег-то вас определили?

– Спасибо за кров и пищу.

– И вас спаси Господи. Ну, помолясь и почивать! Дело-то к утру движется.

– Слышал я, беда у вас приключилась? – спросил Стрешнев.

– На всё промысел Божий.

– Дозвольте мне к пожарищу съездить.

– А вам-то это к чему?

– Может, помогу чем. На войне всяким довелось заниматься.

– У нас здесь, сударь, своя война. Тоже брань, но духовная. Вы не обессудьте, но мы своим миром разберёмся.

Он повернулся к углу, где стояла икона Николая Чудотворца, широко перекрестился, творя молитву. Стрешнев понял, что аудиенция закончена.

Первое Святочное утро выдалось солнечным и тихим. Степан Петрович потёр замёрзшее слюдяное окно и увидел за ним подступающий к подошве холма тёмно-зелёный лес. Вековые сосны и мохнатые ели сомкнулись, словно храня зловещую тайну сгоревшего скита.

Стрешнев потянулся, поскрёб пятернёй свой затылок. Откуда у него эта прямо-таки полицейская тяга к раскрытию

всякого рода тайн и загадок? Может, надо было не в кавалерию, а в полицию идти? Представив себя в зелёном мундире с красным воротником, он передёрнул плечами, хотя уважительно относился к графу Кочубею ¹³.

– Однако пора утренние экзерциции делать, – сказал он себе, доставая тяжёлый кирасирский палаш.

Выйдя в одной рубахе из тесной кельи на морозный утренний воздух, принялся разминать кисть, попеременно выписывая клинком восьмёрки то правой, то левой рукой.левой получалось хуже, потому что давала знать рана, полученная около двух месяцев назад в Саксонии.

Через пять минут Степан Петрович вспотел, удовлетворено воткнул палаш в снег, скинул рубаху и принялся обтираться снегом.

На завтрак гостю подали жбан монастырского квасу, оладьи со сметаной. За столом сидели монахи усталые после ночного бдения, но радостные. Сын Божий родился! Гость чувствовал, как вместе с монастырским квасом в него вливаются силы.

Они вышли вместе с Архипкой.

– Хорошо тут у вас! – с удовольствием вдыхая лесной морозный воздух, молвил штабс-ротмистр. – Пойду-ка, прогуляю своего Серого, – направился он к конюшне.

Отдохнувший конь резво полетел с холма прямо к стене деревьев. Вскоре Стрешнев подъехал к тому месту, где но-

¹³ Первый русский министр внутренних дел.

чью повстречал монахов. Бесснежная и безветренная ночь сохранила следы, уходящие в чащу.

У обгоревших развалин скита он спешил. Мёртвые козлиные глаза безучастно смотрели на него, и Стрешнев подумал, что для роли нечистого это животное явно не годится, глуп, к тому же травояден. Уж дьявол – охотник за людскими душами, если следовать классификации Линнея¹⁴, отвязанный хищник. Скорее волк, от клыков которого гибнут в первую очередь больные и слабые. Ежели душа человеческая с червоточинкой, сатане-то и легче прибрать её.

Скит строили как полуземлянку. Вырыли яму в полтора аршина глубиной, где-то в сажень с небольшим в длину и ширину, обложили с четырёх сторон брёвнами. Крыша была видимо, крыта еловыми ветками, полом служила утрамбованная земля.

Степан Петрович скинул прямо в снег зимний сюртук и спрыгнул в пепелище. Он и сам не знал, что надеялся здесь найти. Кончиком ножен принялся ворошить головёшки. Среди них попадались и обгорелые кости. Видимо старца убили или лишили сознания, а потом подожгли скит. А это что?

Среди головёшек острый глаз штаб-ротмистра узрел крышку от чугунного горшка.

– А я-то думал, скитники питаются кореньями да лесными

¹⁴ Карл Линней (1707–1778) – шведский биолог, создавший систему классификации живых существ.

ягодами.

Он разгрёб сей необходимый в любой крестьянской избе предмет и поддел носком сапога. Крышка сдвинулась, и под ней обнаружилось тёмное отверстие. Стрешнев наклонился и увидел, что сам чугунок был врыт в землю. На дне его что-то лежало.

Это была толстая пачка пожелтевшей бумаги. Степан Петрович стряхнул с неё золу.

Почерк изобличал тягу писавшего к каллиграфии, каждая буква на загляденье.

На первом листе эпиграфом стояло:

«Исповѣдую же с клятвою крайняго Судію Духовныя сея Коллегіи быти Самаго Всероссийскаго Монарха Государя нашего всемилостивѣйшаго».

Это что же, скитник был членом Священного Синода?

Степан Петрович огляделся. Вокруг был лес, суровый и молчаливый, за которым мог притаиться враг.

Он выбрался из ямы, засунул бумаги во внутренний карман сюртука, надел его. Почистил снегом сапоги, уничтожая следы копоты. Серый стоял чуть поодаль, безуспешно пытаясь добраться до травы сквозь толстый снежный покров.

– Возвращаемся, – сказал своему боевому другу штаб-ротмистр.

Вечером погода испортилась. Завьюжило. После ужина Стрешнев уселся перед свечёй в своей келье, достал рукопись.

– Являясь тайным членом Святейшего Синода, я – потомственный дворянин Ар...в Пётр Сергеевич выполняю тайную миссию, посланную мне Господом нашим Вседержителем и лично Его сиятельством князем Голицыным Александром Николаевичем¹⁵. Сея записи в случае моей гибели или несвоевременной кончины должны быть, переданы лично князю. Посему, тот, кто не сделает этого, будет обвинён в государственной измене.

Степан Петрович поднял голову и успел заметить в лунном свете тень, промелькнувшую за окном.

– Дело моё чрезвычайной важности и касается «корсиканского чудовища». Недруги считают его исчадием ада, кто-то гениальным чадом двух родителей: Просвещения и стихии бунта французской черни, уничтожившей монархию, кто-то воплощением честолюбия. Мне же поручено отыскать духовно-мистический корень его военных и политических успехов.

Честолюбие отверг я сразу. Честолюбивых людей много, а таких успехов добывается лишь малая их толика. Чья слава дошла до нас за две тысячи лет? Александр Македонский, Кай Юлий Цезарь, ну ещё несколько личностей масштабом помельче. Я не беру в расчёт древневосточных деспотов, да растленных императоров Рима, чьи деяния по

¹⁵ Обер-прокурор Синода в 1803–1817 гг.

величию не соответствовали льстивым восхвалениям их поданных.

Посему предложил я обер-прокурору объединить две возможные причины головокружительных успехов Бонапарта. Магию и алхимию, а также фармазонство¹⁶, вылившееся в смертоубийство Помазанника Божия. Князь согласился с моим предложением, и в свою очередь предложил мне отправиться в самое логово корсиканца.

И вот тайно перейдя шведскую границу, чтобы вызывать меньше подозрений, в апреле 1805 года я прибыл в Париж. Сам объект моего внимания готовился в то время к высадке на Альбион. Не теряя даром времени я начал посещать местных астрологов, которые пользовались тягой людей к суевериям. Большинство из них не представляли для меня интереса. Но однажды я нашёл в Булонском лесу монастырь, где мне посоветовали побеседовать с тамошним старцем Пьером Ле Клером. Говорили, что именно он предсказал узурпатору блестящее будущее.

В мрачной монастырской келье я увидел согбенного, немощного с виду старика, тем не менее, взглянувшего на меня проникающими прямо в душу выцветшими глазами. После обмена взглядами, я понял, что он всё обо мне знает. Поэтому решил быть откровенным.

– Вы верите в Бога, падре? – спросил я.

– Верю ли я в Бога? Хороший вопрос вы задали человеку, посвятившему Ему всю свою жизнь. А

¹⁶ Франкмасонство.

прожил я, ох, как много, и мне слишком многое открылось. И чем больше я познаю, тем яснее понимаю, что без Его воли ничего не происходит на этом свете.

– Тогда скажите, кто помогает Бонапарту? Бог или сам дьявол?

На старческом лице промелькнула едва заметная улыбка.

– Вы прекрасно говорите и понимаете по-французски. Неужели не поняли моего ответа на ваш первый вопрос?

– Ничто в этом мире не случается без Его воли? Но Бонапарт – атеист!

– Эта мода, – сморщился Ле Клер, – пройдёт. К тому же наш славный корсиканец напрямую не отрицает Творца и уверен в Его присутствии в судьбах людей.

– Значит Господу угодно, чтобы человек, чья вера сомнительна, победил более сильного в ней.

– Уж не своего ли властелина вы имеете в виду? – усмехнулся старик. – Того, кто уселся на троне поправ ногами ещё не остывший труп убиенного родителя своего?

– Есть ещё народ...

– Народ ваш будет нести ответственность за грехи своего властителя.

После этой фразы старый монах замолчал. Я ждал минуту, другую, третью, но старец был погружён в свои думы и будто забыл о моём существовании. И лишь, будучи в дверях вновь услышал его дребезжащий голос:

– Ищите причину не в вере, а в тайном

знании. Вспомните, власть упала в руки корсиканцу как перезревший плод после посещения древней египетской земли. Прощайте, и да хранит нас всех Бог!

Уже сидя в карете, я принялся размышлять. Что имел в виду Ле Клер? Египет – колыбель истории. Оттуда Моисей вывел своё ветхозаветное племя на поиски Земли обетованной. Я вспомнил речь Корсиканца перед битвой у пирамид: – Солдаты! Сорок веков смотрят на вас...

От сильного удара снаружи окно кельи вместе с рамой упало внутрь. Резкий порыв ледяного ветра задул свечу. А тут, как назло луна укрылась за тучами, и келья погрузилась в полную темноту.

Степан Петрович достал Милотту и взвёл курок.

– Я не знаю, кто ты, пан офицер, – услышал он сквозь завывания ветра голос, говорящий с лёгким акцентом уроженца западных губерний, – но лучше отдай то, что нашёл в ски-ту.

– А ты покажись, – отвечал Стрешнев, – может и отдам.

– Нашёл дурака! Я покажусь, а ты из пистоля пальнёшь!

Выбрасывай бумагу в окно, а не то...

– Что тогда?

Неизвестный был человек действия, потому что через полминуты в окно влетела горящая сосновая ветка, затем вторая. Первая упала прямо на матрац, штаб-ротмистр увидел, что злодей обильно смазал её дёгтем, который в монастырской мастерской был в изобилии.

Матрац, набитый соломой запылал, кирасир схватил свой сюртук и принялся сбивать пламя. На шум сбежались монахи, обитающие в соседних кельях. Дым, крики «горим братие», мельтешение лиц, всё смешалось перед глазами Степана Петровича. Когда огонь затушили, и паника прошла, он обнаружил, что бумаги пропали.

Единственным знакомым лицом здесь был юный пономарь. В него штаб-ротмистр и вцепился:

– Архипка, а ну отвечай, есть ли среди вас ляхи или литвины?

– Дык, брат Варфоломей, он один у нас из Виленской губернии.

– Где он?

– Дык, келья его на том конце.

– Веди!

Варфоломеева келья оказалась пуста.

– Может в мастерской? Любит он это дело.

Стрешнев заскочил в свой «номер», где монахи уже вставляли на место оконце, одел пропахший копотью сюртук, сунул подмышку палаш, и выскочил в ночь. По дороге в мастерские он услышал тревожное ржание Серого. Бросился к конюшне и чуть не был сбит с ног вылетевшим оттуда монахом, верхом на худенькой лошадке. Достал пистолет, но всадник уже скрылся в ночи.

Серый бился в беспокойстве о стены конюшни, и Стрешнев понял, что злодей хотел его оседлать, но боевой конь не

подпустил чужого. Он накинул седло, затянул подпруги, и через мгновение уже мчался сквозь ночную вьюгу, с трудом глядявываясь в ещё не занесённые снегом следы.

Человек, похитивший бумаги имел одно, но весомое преимущество: он знал, куда едет. Но был у него и недостаток, его лошадь уступала по силе и выносливости боевому кирасирскому коню. Так думал Степан Петрович, пришпоривая боевого друга.

Вьюга между тем усиливалась, и вскоре штаб-ротмистру стало понятно, что он сбился со следа. Снег сыпался с неба так плотно, что вытяни руку, и не увидишь ладони.

Погоня сделалась бесполезной, и Степан Петрович остановил коня. Обычно в таких случаях следовало бы оглядеться. Но куда оглядываться? Вокруг стояла снежная стена, не было ни звёзд, ни даже неба, ни сторон света.

Он тронул Серого, и конь, проваливаясь в снег по брюхо, пошёл вперёд. Будто корабль, пересекающий снежное море.

Метель закончилась внезапно, в чёрном небе появились звёзды. Вот теперь Стрешнев огляделся. Оказывается он ехал по дну узкой балки, по краям которой росли густые ели.

Серый тревожно поднял голову и раздул ноздри, а через короткое время они услышали протяжный волчий вой, которому вторил ещё один. Стая была где-то неподалёку.

– Ну что, брат, попали мы с тобой в ещё одну передрагу? – Степан Петрович успокаивающе погладил по шее своего боевого товарища.

Конь косил на него взглядом, словно спрашивая, что делать будем?

– Ну, мы ни француза, ни турка, ни горца дикого не пугались. А уж родных, русских волков и подавно не забоимся.

Он проверил оружие. Карабин, два кавалерийских пистолета, один трофейный, палаш. Да тут от полуэскадрона отбиться можно, не то, что от каких-то волков.

А вскоре наверху засветились зелёные огоньки голодных глаз.

Вслед за звёздами на небе появилась и луна, и в её молочном свете снег заискрился, подобно бриллиантовым россыпям. Это облегчало ведение боя, всё же хоть офицер и боевой, но не зверь, в темноте видит плохо.

А вот и волки. Две серые морды смотрели сверху на коня и всадника, а потом разом, словно по команде оба волка бросились вниз, утопая по грудь в снегу. Один стал обходить их сзади, нацеливаясь на круп, второй ощерил клыки, собираясь вцепиться всаднику в ногу.

Подпустив хищника поближе, боевой конь резко вырвал из снега заднюю ногу, угодив копытом прямо в ощеренную пасть. Второго Стрешнев достал палашом, надвое разрубив морду зверя.

Серый сам, без команды, подгоняемый инстинктом устремился вперёд. Штаб-ротмистр обернулся. Волки спустились в балку в саженьях десяти, остальные с двух сторон продолжали преследование по верху.

Степан Петрович разрядил пистолет в морду ещё одного, подобравшегося на расстояние прыжка. Это остудило пыл остальных и волки чуть приотстали.

И тут распадок закончился. Далее шёл довольно крутой подъём, у начала которого стояла большая раскидистая ель. Та часть стаи, которая была наверху, рванула, обгоняя коня и всадника, занимая тактически выгодное для них место. Путь к отступлению отрезали другие.

Стрешнев спешил, встал спиной к дереву и принялся расчищать себе место для схватки. Серый крутился рядом, оглашая ночной лес тревожным ржанием.

Кольцо вокруг них сужалось. Серые хищники были везде, то появляясь в поле зрения, то прячась за сугробами.

– Ну, бесовы дети, подходите! – кричал кирасир, выписывая клинком восьмёрки.

Волки зачарованно смотрели на искрящуюся лунным светом сталь. Среди них возникло замешательство. Они уже потеряли трёх своих сородичей, один из которых был вожаком. И инстинкт им подсказывал, будут ещё жертвы. Стоила ли этого добыча? Может подождать, когда конь и человек упадут сами?

Но животы сводило от голода, вот уже несколько дней хищники ничего не ели, и это придало им отчаянной храбрости.

Сразу три волка бросились на Серого. Самого отчаянного конь впечатал в снег передними копытами, второй вцепился

в бедро, но Стрешнев, бывший начеку, рубанул палашом по мохнатой спине, рассекая жилы и кости. Вскоре уже самому штабс-ротмистру пришлось отбиваться от троих, насевших на него зверюг.

Волки использовали тактику людей, которую те ещё два года назад применяли в здешних лесах против вторгшихся французов. Цель хищников была одна – измотать и коня и человека. Стрешнев понял, что продержится не более двух часов. Вот если бы у него был второй человек, заряжавший и подававший кирасиру оружие!

Что при такой диспозиции предпринять русскому офицеру? Идти в атаку! Аллюр три креста, клинок подвысь, громогласное ура!

Штаб-ротмистр выбрал наибольшее скопление противника на своём левом фланге. С полдюжины волков кружили от него в трёх саженьях. Он заметил самого крупного, вскинул карабин и прицелился в мохнатую морду. Промаяхнуться с такого расстояния для кирасира было делом постыдным. Грянул выстрел. С невозмутимостью отметив, что попал, он швырнул ещё дымящийся карабин в снег и бросился на остальных. В правой руке палаш, в левой пистолет, рот оскален как у волков. Над ночным лесом грянуло русское ура. Да такое, что снег посыпался с дрогнувших еловых веток!

Его атака была так неожиданна, что серые бросились наутёк. Впрочем, пуля из пистолета успела войти в хребет од-

ному, клинок распорол бок другому. А Стрешнев кричал, и, размахивая оружием, карабкался вверх по склону.

Хищники скрылись за заснеженными деревьями. Штаб-ротмистр стоял, тяжело дыша, оглядывая поле боя.

– Серый!

Он вдруг понял, что не слышит ржания своего коня. А когда спустился в распадок, то не увидел ни Серого, ни живых хищников. Только туши убитых волков на окровавленном снегу.

ГЛАВА 3. УСАДЬБА

Какая, однако, конфузия боевому офицеру-кавалеристу оказаться ночью в зимнем лесу, да без коня! Одно радует: след на снегу хорошо виден.

По нему Стрешнев и пошёл, иногда останавливаясь и подзывая боевого друга ведомым им обоим свистом.

Между тем подморозило. Степан Петрович стал быстро остывать после горячки боя. Он натянул треуголку на самые уши, сунул подмышки руки в перчатках из телячьей кожи, и подумал, что сейчас, должно быть со стороны выглядит как француз, спешащий к переправе через Березину. Сам два года назад на таких насмотрелся!

Усадьба появилась внезапно. Занесённая снегом аллея, в конце которой освещаемый полной луной белоснежный особняк с колоннами. И именно к нему вели следы Серого!

Промёрзший до костей штаб-ротмистр приободрился, и направил свои плохо слушающиеся стопы к дому. Он даже стал вполголоса напевать «Прелестную Катрин».

– А ну стой, нехристь!

Из-за дерева вышел мужик в тулупе, наставив на Стрешнева уланский мушкетон ¹⁷.

– Какой же я тебе нехристь, дядя? – отвечал Степан Петрович. – Ты что, своих не узнаёшь.

¹⁷ Ружьё с расширяющимся на конце дулом, чтобы стрелять дробью.

– Свои в лесу по ночам не ходют, – резонно заметил мужик, не спуская с кирасира настороженного взгляда.

– А барин у тебя, дядя, имеется?

– А как же без барина-то? Без барина нам никак нельзя.

Токма у нас барин помер давно.

– Вот как? И давно вы, болезные осиротели?

– Скажешь тоже, осиротели! И ничего мы не осиротели!

Потому как барыня у нас есть.

– Ну, давай, веди меня к своей барыне!

– Ишь, чего захотел! В такую-то пору почивать госпожа наша изволит.

И то верно, на дворе-то ночь-полночь! Стрешнев как-то за своими авантюрами и забыл об этом.

– Так что же, дядя, так и будешь меня на морозе держать?

– А ты точно, не хранцуз?

– Да какой же я тебе француз? На, смотри!

Степан Петрович плохо слушавшейся рукой достал из-за пазухи нательный крестик.

Мужик впился в него дальнозоркими глазами.

– Точно, наш, православный! Ну, пошли, чего сопли-то морозить!

Он повёл офицера во флигель, стоявший в глубине заснеженного сада.

– Ты уж, ваше блаародь не серчай! Спасу тут не было от шаромыжников ¹⁸, прости Господи! Не поотвыкли исчо.

¹⁸ Так русские крестьяне в 1812 году прозвали деморализованных, отступаю-

– А тебя как зовут-то, дядя?

– Тихоном кличут.

– А скажи-ка Тихон, к вам конь не забегал? Рослый такой, голштинской породы.

– Много тута всякой твари Божьей ходит, – уклончиво отвечал Тихон. – Вот, давеча к барыне инок на полудохлой кляче притащился.

– Давеча, это когда? – насторожился Стрешнев.

– Аккурат, барыня ко сну отходить собирались. А тут он. Грит, по срочному делу.

– Так может барыня ваша и не спит ещё? Я-то тоже по срочному.

– Да уж с час как окна погасли. А Марфуша монашка энтого в гостевую отвела. Сам видал.

Он открыл перед гостем дверь.

– Милости просим. Да ты не переживай, ваше блаародь! Сейчас збитня горячего отведаешь, поспишь. А с утра Марфуша барыне доложит. Барыня у нас рано встаёт.

Вскоре Степан Петрович сидел у жарко натопленной печи и пил обжигающий пряный напиток. Тихон рассказывал ему о том, какое богатое у них имение, какая барыня радетьельная хозяйка, но вскоре заснул на лавке, укрывшись своим тулупом, оглашая комнату залиvistым храпом.

Штаб-ротмистр спать не собирался. Человек, похитив-

щих из России французов. По первым двум словам, с которыми те обращались «cher ami» – дорогой друг.

ший бумаги был совсем рядом.

Он извлёк из кармана родительский брегет. Механизм показывал второй час ночи. Глянул на спящего Тихона, не притворяется ли? Похоже, тот действительно спал. Мерно вздымалось и опускалось тело под тулупом, рука безвольно свесилась с края лавки.

Степан Петрович неслышно поднялся, надел сюртук, сунул за пояс Милотту, а палаш подмышку. Дверь предательски скрипнула, Тихон тут же приподнялся на своём ложе.

– Ты куда, ваше блаародь?

– На двор я, – отвечал кирасир, пряча за спиной палаш. – Ты спи!

– А-а-а. Как выйдешь налево, да вдоль орешника держись. Тама нужник.

Отогревшийся штаб-ротмистр вышел, с удовольствием вдохнув морозный воздух. Ах, до чего прекрасна русская зимняя ночь! На небе россыпи звёзд, и Стрешнев стал искать Вифлеемскую. Снег под луной искрится. Всё дышит первою чистотой.

Но хватит лирики! У него два важных дела. Первое не составило для кирасира труда, нужник он нашёл быстро. Пора приниматься за второе.

Окна барской усадьбы были темны, как глаза молодой лезгинки. Кирасир отступил на три шага и оглядел особняк. Такие строили лет шестьдесят тому, во времена матушки Ели-

заветы ¹⁹.

На самом верху, в оконце мезонина теплился огонёк. Может Марфуше не спится?

С парадного крыльца было заперто. Он обошёл дом и обнаружил вход для прислуги.

Здесь, к счастью, дверь была смазана, потому отворилась без скрипа. Штабс-ротмистр вошёл в тёмный коридор. Шпоры он отстегнул ещё во флигеле и теперь шёл в темноте, держась за стену, стараясь ступать неслышно.

Коридор вывел его в круглую залу, откуда в свете луны, смотревшей в большое французское окно, была видна лестница, ведущая наверх.

Наверху была комната, из-за двери которой пробивался свет, были слышны голоса. Мужской голос раздражённо говорил по-французски:

– За те деньги, которые я вам заплатил, вы должны снабдить меня самыми быстрыми лошадьми. Послезавтра, вернее уже завтра я должен быть в Кракове.

– Неужели, monsieur, вы держите меня за провинциальную дурочку? – отвечал женский голос с лёгким польским акцентом.

– Eh, bien, quoi, madame ²⁰!

– Таким образом, вы должны знать, что бумаги, которые вы получили благодаря мне стоят гораздо больше.

¹⁹ Елизавета Петровна – российская императрица (1741–1762).

²⁰ Ну что вы, мадам! (франц).

– Они потеряют свою ценность, если их не доставят вовремя.

– Не беспокойтесь, я дам вам лошадей. Часа полтора тому в усадьбу прибежало животное, очень большой и сильный конь. Тихон отвёл его в конюшню накормить и дать отдых. Думаю, он и моя Ласточка составят прекрасную пару. Через два часа возок будет готов. Вы попадёте в Краков вовремя.

Мужской голос произнёс слова благодарности, а Стрешнев заскрипел зубами. Его боевого коня, да в возок, как обычную кобылу!

– *Encore le champagne* ²¹?

Я вам сейчас покажу шампанское!

Степан Петрович перехватил палаш поудобнее, и уже собирался ворваться в мезонин, чтобы поквитаться с врагами государства Российского. Но в этот момент снизу послышались приближающиеся шаги, и ему ничего более не оставалось, как спрятаться в тёмном углу.

Вскоре мимо кто-то прошёл, тяжело дыша, в темноте было не разобрать. Раздалось тяжёлое сопение у двери, а затем голос Тихона:

– Ваше сиятельство, Варвара Казимировна!

– Ну, чего тебе, Тихон?

– Тута давешний монах за ворота выехал. На нашем Альбионе.

– А ты куда смотрел, скотина?

²¹ Ещё шампанского? (франц).

– Дык, кто ж его знал? Вроде человек Божий, а на дворе ночь.

– Вы с Евсеем должны караулить через ночь. Нынче, чья очередь?

– Моя, государыня.

– Значит, ты и получишь плетей.

– Премного благодарен, ваше сиятельство.

– Всё! Пшёл вон!

– Тута ещё вот какое дело...

– Ну, чего?

– Давеча человек один в усадьбу пришёл. По виду из благородных.

– Чего несёшь? Какой ещё человек? И где он сейчас?

– Дык, я его блаародие во флигель спровадил, збитнем горячим напоил. А он сбёг.

– Что?! А ты куда смотрел, скотина? Да я тебя...

– Не вели казнить, матушка! Наш он, православный, вот я слабину-то и дал.

– Поднимай Евсея, дурак! Чтобы сыскали мне его, немедленно!

– Слушаюсь, государыня!

Тихон, выскочив из комнаты, кубарем скатился по лестнице.

Пришло время появиться на сцене штабс-ротмистру. Он пристегнул палаш к поясу, справедливо полагая, что размахивать им в присутствии дамы недостойно офицера и дво-

рянина.

– Прошу меня простить, господа!

Комната была небольшая, но роскошно убранная. На оттоманке сидел средних лет мужчина, одетый в чёрное платье по парижской моде, в кресле за бюваром, встроенным в письменный стол, женщина лет тридцати в кружевном чепчике и домашнем платье.

Оба воззрились на Стрешнева. Впрочем, недолго. Мужчина сделал едва уловимое движение, откинув фалды своего сюртука, и потянувшись рукой к голенищу сапога.

В руке у штаб-ротмистра, будто у фокусника появился пистолет.

– Je ne conseille pas ²²! – бросил он.

– Certes, monsieur ²³! – мужчина убрал руку.

Боковым зрением Степан Петрович увидел, как помещица прикрыла рукой толстую пачку «радужных» ²⁴ и стала за-талкивать её в бювар.

– «Бьюсь об заклад, французишка всучил ей фальшивые», – не без злорадства подумал он.

– Мне нужны бумаги, которые ваш подельник похитил у меня в монастыре.

– Я не понимаю, о каких бумагах идёт речь...

– За которые вы заплатили этой особе. Предупреждаю, я

²² Я не советую! (франц).

²³ Конечно, сударь! (франц).

²⁴ Сторублёвые ассигнации.

всё слышал.

– Ах, вы о векселях? – облегчённо засмеялся француз.

Варвара Казимировна тоже улыбнулась, холодно глядя на Стрешнева.

– Не пытайтесь одурачить меня!

Штаб-ротмистр схватил саквояж, стоявший у ног мужчины, и, не церемонясь, вытряхнул его содержимое на персидский ковёр.

Футляр с курительными принадлежностями, ящик с дорожными пистолетами.

Вот они! Стопка бумаг, перетянутая шёлковой лентой. Степан Петрович развернул их. Векселя, какие-то рекомендательные письма краковским менялам.

Француз смотрел на него. В серо-зелёных глазах была плохо скрываемая усмешка.

– Видите ли, сударь, я – негоциант. А с мадам Стромиловой меня связывают исключительно деловые отношения.

Стрешнев с вызовом взглянул в глаза негоцианту. Что-то не очень он похож на купца! Движение, которым потянулся к голенищу сапога, выдавало в нём человека, привычного брать в руки оружие. Да и затылок у штаб-ротмистра почёсывался ещё в коридоре.

Степан Петрович наставил в высокий лоб ствол Милотты, наклонился и ловко выудил из сапога, сидящего на оттоманке маленький изящный дуствольный пистолет. Под стволами было закреплено бритвенно острое лезвие кинжала.

– Это, чтобы у вас не было соблазна делать глупости.

Тонкие бескровные губы француза растянулись, обнажив ровный ряд белоснежных зубов. Но его улыбка выглядела прямо-таки волчьим оскалом!

Стрешнев обернулся к Madame Стромиловой.

– А вам, сударыня я бы посоветовал быть более осторожной в выборе знакомств.

– Сударь, я не нуждаюсь в ваших советах!

– Тогда не откажите в просьбе! Не наказывайте строго Тихона. Ваш *serviteur*²⁵ проявил истинное благородство, дав кров русскому офицеру.

Тут мозг Степана Петровича озарила мысль. Пока он тут любезничает с этими двумя неприятными особами, помощник француза, лже-монах Варфоломей везёт бумаги к западной границе.

– Честь имею! – он развернулся и выбежал из комнаты.

Тихона с Евсеем он нашёл около замёрзшего пруда.

– Ружья-то опустите, мужики. Не ровен час, пальнёте. Я-то всё одно стреляю быстрее и промахов не даю.

Стрешнев убрал пистолеты за пояс.

– Пойдёмте во флигель, поговорить надо.

Расселись по лавкам. Збитню Тихон не предложил.

– А барыня ваша с французом этим спуталась, – закончил штабс-ротмистр свой рассказ. – Понять её можно – вдова.

– Да уж, вдова? – крикнул Тихон. – В замужестве-то и дня

²⁵ Слуга (франц).

не была! Сказывают, муж ейный опосля венчания, сразу же стреляться поехал. Ну, и убили его до смерти за какой-то пустяк. У вас, у бар так водится. А матушка наша четвёртый год, почитай и хозяйствует.

– А я смотрю, что-то здесь не ладно! – дёрнул себя за ус кирасир. – А французишка этот... Он – враг, поверьте мне. Я таких за версту чую. В Европах насмотрелся.

Оба мужика растерянно смотрели на офицера.

– А что же нам теперича делать? – спросил Евсей, молодой ещё парень.

– Если честно, не знаю, – признался Степан Петрович. – Я бы вам посоветовал уходить от неё, да куда? Только неприятностей себе наживёте. Хотя, по указу третьего года ²⁶ могли бы собрать выкуп. Вот только отпустит ли она вас?

– Откудова деньги-то на выкуп? – почесал в затылке Тихон.

– В солдаты пойти можете.

– Да кто ж меня в солдаты возьмёт? Старый я уже, сорок второй годок пошёл.

Помолчали.

– Ладно, ваше блаародь, мы тут сами разберёмся. А тебе монаха этого ненастоящего искать надо. Пойдём седлать твоего немчуру. Ружьецо-то своё не забудь. Я его почистил,

²⁶ Указ о вольных хлебопашцах, позволявший крестьянам освобождаться от крепостной зависимости путём выкупа. Для помещиков носил рекомендательный характер.

новый забой вставил ²⁷. Потом наезженную дорогу укажу короче версты на две. Может у Мстиславля злыдня этого и перехватишь.

Конь встретил своего хозяина радостным ржанием. Стрешнев припал лицом к тёплому боку, провёл по нему рукой. Серый вздрогнул, когда рука коснулась глубокой царапины.

– Достали тебя, значит, волчьи зубы.

Грустный храп был кирасиру ответом.

– Слышишь Тихон, – позвал штаб-ротмистр уже сидя в седле, – я этого Варфоломея в глаза не видел. Какой он?

– Ну, – задумался тот. – Борода у него подстрижена.

– И всё? А росту-то он, какого?

– Росту? Дык, погоди, Евсей-то наш малевать горазд. В прошлом годе церковь с артелью расписывал. Его барыня отпускала. Евсей!!!

Через четверть часа Степан Петрович покидал усадьбу, сунув за пазуху не без таланта малеванный углём портрет довольно молодого человека с аккуратно подстриженной бородой и лукавым взглядом воспитанника иезуитской школы.

– А Альбион наш серый в яблоках! – крикнул вдогонку Тихон.

Проезжая мимо особняка штаб-ротмистр увидел свечу в окне мезонина. Француз рассматривал его сквозь стекло, словно сквозь ружейный прицел. Что-то подсказывало Сте-

²⁷ То есть зарядил.

пану Петровичу, что они ещё встретятся.

ГЛАВА 4. ПОГОНЯ

Дорога, которую показал Стрешневу Тихон, может и была наезжена, ежели не учитывать недавнюю метель. Этой ночью её порядком занесло. Серый бежал резво, и снег, не успевший слежаться, серебряной пылью вился вокруг его копыт.

После часа скачки дорога кончилась, влившись в широкий тракт. Верстовой столб указывал на Мстиславль, до которого, если верить надписи было двадцать вёрст.

Штаб-ротмистр нагнулся и в свете луны увидел свежие следы конских копыт. Всадник проезжал здесь буквально несколько минут назад. Кирасир дал шпоры, и конь снова помчался среди белого безмолвия. Мороз обжигал щёки, из конских ноздрей вырывались клубы пара, белые деревья стояли по сторонам, безучастно наблюдая за всадником. Сажени превращались в вёрсты, а впереди по прежнему была пустая ночная дорога, и лишь свет полной луны не давал сбиться с пути.

Сразу видно, что Альбион отличный ездовой конь. Будь у злодея прежняя монастырская кляча, Серый давно бы уже настиг беглеца.

И тут бросив взгляд вниз, Стрешнев не увидел перед собой следов.

– Вот чёрт!

Он точно помнил, что никаких развилок по пути не бы-

ло, сплошной стеной один лишь лес. Не мешкая, развернул Серого.

Теперь следовало быть внимательней. Обманул его Варфоломей всего-то на пару сотен сажений. Степан Петрович увидел уходившую в лес борозду разворошённого снега. Тут уж тронул коня не спеша, внимательно вглядываясь. Лунный свет с трудом пробивался сквозь густые ветви елей и сосен, и лишь его сказочное сияние на белом снегу немного рассеивало лесную тьму.

Вскоре Серый остановился, тревожно вглядываясь во тьму. Враг был где-то близко. И словно в подтверждение кирасир уловил краем глаза вспышку, затем раздался грохот выстрела, и пуля с чмоканьем вошла в дерево, около которого они остановились. Прижав к плечу карабин, он выстрелил в сторону вспышки. Услышал жалобное ржание раненого Альбиона, и выругался про себя. Бедный конь-то, в чём виноват?

Но зато прыти у этого Варфоломея теперь поубавится! Стрешнев спешил, взял под уздцы коня и осторожно двинулся вперёд. Вскоре разглядел на ослепительно белом снегу тёмные пятна.

Через полверсты ровная местность пошла под уклон, который заканчивался берегом лесного озера. Почти на середине покрытого льдом водоёма штабс-ротмистр разглядел удаляющуюся фигуру. Вскочил в седло, пустил Серого вниз к озеру. Чуть не налетел на лежащую возле самого берега

конскую тушу. Альбион был ещё жив и тоскливо смотрел в тёмное небо. Влажные бока судорожно вздымались.

– Что туго, брат?

Пуля из кирасирского карабина пробила брюхо, животное истекало кровью. Стрешнев вставил в конское ухо кавалерийский пистолет.

Человек, идущий по льду, не останавливаясь, обернулся на выстрел, затем перешёл на бег. Степан Петрович дал шпоры. Они галопом спустились к озеру. Серый, не останавливаясь, ступил передними ногами на лёд. И лёд не выдержал тяжёлого коня! Раздался треск, передние ноги ушли в холодную воду.

– Стой чёрт! – натянул поводья Стрешнев.

С трудом они выбрались на берег. Штаб-ротмистр прикинул на глаз расстояние в обход озера. Не успеть! Варфоломею до противоположного берега осталось каких-нибудь полсотни сажений, через несколько минут он скроется в густом лесу. Но у конного всегда перед пешим преимущество во времени, и кирасир вновь пустил Серого рысью. Неровный берег, поваленные деревья, попадавшиеся на пути, не позволяли идти быстрее.

Когда обогнули озеро, Стрешневу опять достались следы, уходившие в чащу, а тут через полчаса гонки по буреломам перед конём и всадником оказалась длинная балка с крутым склоном. Видно, Фортуна этой ночью не благоволила штаб-ротмистру.

Деревенька была небольшая, в полсотни дворов. Местные собаки, завидя всадника с лаем кинулись навстречу. Серый не удостоил их даже взглядом, а Стрешнев показал обнажённый палаш, и свирепые псы кинулись наутёк, облаивая их уже из-за заборов. Неужели знакомы с кирасирским клинком?

Шёл четвёртый час утра, и деревенька была погружена в сон. Но, оказалось, спали не все. Калитка второго с околицы двора отворилась, и за неё ступил старец с седой бородой до пояса. Длинный тулуп с волчьим мехом, вывернутым наружу, придавал ему вид языческого волхва.

– Здорово, дед! – подъехал к нему штаб-ротмистр.

– И тебе исполать, служивый! Ищешь кого?

Стрешнев посмотрел в выцветшие, как июльское небо глаза старца.

– Ищу, дед.

– Был он здесь. У Микитки-бондаря кобылу прикупил.

– Давно уехал.

– Да пару часов тому ²⁸, – дед взглянул на луну. Да ты не торопись, служивый, догонишь! У тебя конь – огонь! А у Микитки-то кобылка хроменькая на одну ногу.

– А в какую сторону подался?

– Тут одна дорога, на Мстиславль и дальше на закат.

²⁸ Старец имел в виду дробные часы, на которые в старину делили большой час. Дробный час был равен двенадцати минутам. Следовательно, Варфоломей покинул деревню 24 минуты тому назад.

– Спасибо, дед!

– Супостат-то вскоре опять бузить зачнёт. Клыки-то ещё остались.

Степан Петрович вновь взглянул на старца. Уж не Бонапарта тот имеет в виду?

– Не бойся дед, он на острове.

– Ведомо мне. От того острова до большой земли рукой подать. Подале бы в окиян-море его надобно. Ничего, клыки-то ему, бесовскому отродью пообломают. Ну, прощевай, служивый!

Хромую или нет, лошадь продал деревенский бондарь Варфоломею, но ускакал он далеко. Над лесом уже поднялся серый рассвет, а Стрешнев так и не увидел спины беглеца. Серый подустал, хотя Степан Петрович берёт боевого друга, и уже не гнал его сломя голову по хрупкому снежному насту.

Варфоломей сменил ещё одну лошадь на постоялом дворе в Волковыске. Там и Степан Петрович позволил себе и коню отдых, строго наказав смотрителю станционной гостиницы разбудить его через два часа.

Лишь в Белом Стоке штаб-ротмистр сумел настичь лжемонаха. Помог портрет, который Степан Петрович совал под нос каждому хозяину трактира или гостиницы. Иначе литвин запросто мог затеряться в большом городе.

А сейчас он сидел в корчме, грыз свиную ногу, запивая её пивом. Стрешнев поразился, как верно передал худож-

ник-самоучка Евсей внешность сидящего за столом человека.

Для начала штаб-ротмистр поднялся наверх и отыскал комнату, где остановился похититель таинственных записок. Это не составило труда, ибо плох тот офицер, который не сумеет найти общий язык со служанками. Молодая полячка, которой офицер рассказал на ходу сочинённую историю про коварство и любовь, не только показала и провела в номер, но и покарнула в коридоре, пока он рылся в чужих вещах. Занятие не из почтенных, но постоялец сам вор, душегуб и обманщик. Обманом пришёл в православный монастырь, спалил старца в ските, выкрал бумаги.

Бумаг в номере не оказалось, хотя Степан Петрович тщательно осмотрел дорожную сумку, обыскал всю комнату, даже простучал стены и полы в поисках тайника.

Ну что ж, пора было браться за злодея. Стрешнев подарил молодке страстный поцелуй вместе с серебряным рублём и спустился вниз.

И вовремя. Злодей облизал пальцы и лишь, потом достал из кармана несвежий платок. На сытый желудок соображать сможет не так прытко.

Штаб-ротмистр с удовлетворением отметил, как побледнело лицо Варфоломея, едва он заметил приближающегося кирасира. Оглянулся, будто в поисках помощи, резво вскочил и кинулся к пылающему камину. Сунул руку за пазуху,

и Стрешнев увидел, как он вытащил на свет пачку бумаг. Именно тех самых.

– Не подходите! – закричал Варфоломей, протянув руку с бумагами к огню.

Степан Петрович остановился от него в пяти шагах, с невозмутимым видом достал кавалерийский пистолет, тщательно прицелился в бледный лоб. Сухо щёлкнул взводимый курок.

– Отдай бумаги и можешь катиться ко всем чертям!

Лицо литвина стало белым, как снег на улице, но в глазах стояла решимость, и штабс-ротмистр понял, что бумаги сию минуту отправятся в огонь. Что же в них такого, если совсем ещё не старый человек рискует жизнью?

Таким вопросом задался Стрешнев, плавно давя на спусковую скобу. В последний момент кто-то сильно толкнул его в плечо. Грохнул выстрел и сквозь рассеивающийся пороховой дым Степан Петрович с досадой увидел как целый, и невредимый Варфоломей бросает бумаги в камин, и огонь тут же начинает весело пожирать их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.